

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ПОЗНАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «СОЛОВЬЁВ И ЛАРИОНОВ» (2009)

Алёна Валерьевна Павлова

аспирант Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

e-mail: gogoloptimus45@gmail.com

ORCID: 0009-0008-7046-3971

Ольга Александровна Гримова

доктор филологических наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия)

e-mail: astra_vesperia@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0691-1078

Аннотация. Тема познания исторического прошлого в романе Евгения Водолазкина «Соловьёв и Ларионов» (2009) – предмет исследования данной статьи. Доказывается, что академическая наука становится объектом пародии на языковом и образном уровнях. Внешняя событийная интрига, основанная на поиске дневника Ларионова и пародирующая шпионские детективы, также является мнимой и не приводит к ответам на основные вопросы романа: как и почему выжил генерал. В то же время в тексте присутствуют многочисленные параллели между героем-исследователем и исторической фигурой, усиленные постановкой всеведущего нарратора. Благодаря этому читательское внимание смещается с разгадывания загадки на поиск ответов на философские вопросы о месте человека в бытии. Значимость личности ученого при познании прошлого обнаруживается на уровне эпизодизации, а также построения энигматической интриги откровения, приводящей читателя к ответам. Подлинное изучение биографии человека оказывается возможным только через диалогический контакт с ним, а также через ценностное и нравственное осмысление событий жизни как объекта исследования, так и самого исследователя. Анализ произведения выявляет обращение автора к общечеловеческому опыту в его жизненных этапах, духовных ценностях, постижении тайны бытия и смерти. Писатель использует прецедентную картину мира, в основе которой лежит представление о повторяющемся цикле событий, что подтверждается в тексте сравнениями Соловьёва и Ларионова с историческими деятелями. Кроме того, в романе удается выявить этот

покоя, связанный с детскими воспоминаниями героев. Названные категории характерны для стратегии мифа, что позволяет говорить о трансформации архаичной нарративной традиции в творчестве современного автора. Полное постижение прошлого в понимании Евгения Водолазкина возможно через обращение к универсальному архетипическому жизненному сюжету, связывающему исследователя с исторической личностью.

Ключевые слова: историческое прошлое, Е.Г. Водолазкин, «Соловьёв и Ларионов», нарратор, прецедентная картина мира, этос покоя, стратегия мифа, пародийность

Темы прошлого, времени, памяти, личного и исторического опыта неизменно присутствуют в романистике Евгения Водолазкина. Писатель является специалистом по древнерусской литературе, следовательно, сталкивается с этими темами как в своей творческой, так и в научной деятельности. Им же посвящен и его ранний роман «Соловьёв и Ларионов» (2009). Выбор этого произведения для рассмотрения связан с тем, что данный роман Евгения Водолазкина уступает по популярности среди исследователей более поздним и известным его произведениям (таким, как «Лавр» (2012) или «Авиатор» (2021)), хотя характерные для него смыслы и нарративные особенности появляются в дальнейшем в романном творчестве автора (например, в последнем опубликованном на момент написания статьи романе «Чагин» (2022) также присутствует герой-интерпретатор, восстанавливающий биографию Исидора Чагина). Рассмотрение этого текста позволяет составить более полное представление о творчестве писателя как одного из самых ярких представителей современного литературного процесса.

Анализ произведения в его различных аспектах предпринимался рядом исследователей. Так, Н.В. Ковтун рассматривает основные мотивы романа «Соловьёв и Ларионов» (такие, как мотивы железной дороги, поиска, молчания и другие) и приходит к выводу, что постижение текста дневника меняет со-

знание ученого, а «ценность памяти, звучащего Слова в романе признается абсолютно» [Ковтун: 130]. А.О. Салахова исследует мифопоэтику романов «Соловьёв и Ларионов» и «Оправдание Острова» (2020) и выделяет основные ее особенности: «соединение различных исторических эпох («межэпохальность»), мифологическая вневременность, а также нравственная категория, воспринимаемая через призму христианского миропонимания», которой в рассматриваемом произведении становится милосердие [Салахова: 176]. В исследовании Т.Г. Прохоровой рассматривается исторический дискурс в нескольких романах Евгения Водолазкина (начиная с «Соловьёва и Ларионова» и заканчивая «Чагиным»), автор выявляет обращение писателя к «христианской модели времени-вечности, напоминающей спираль» [Прохорова: 167], однако в силу объема статьи рассмотрение отдельного произведения остается ограниченным. О.С. Рощина обращается к нарратологическому подходу при анализе повествователя и отмечает смену модальности мнения модальностью понимания, что позволяет сделать вывод о том, что стратегия диалогического разногласия уступает место стратегии диалогического согласия «союзных сознаний нарратора и героев романа, постигающих смыслы, актуальные для каждого из них» [Рощина: 197]. Однако анализ соотношения личности и истории в романе «Соловьёв и Ларионов» еще не проводился,

хотя он затрагивает наиболее важные темы романа. Помимо этого, при рассмотрении текста мы будем обращаться к таким категориям, как нарративная интрига, этос, картина мира, нарративная стратегия. Как подчеркивает В.И. Тюпа, «...повествование не сводится к одной из возможных композиционных форм речи, но оказывается системой коммуникативных статусов. Это статус событийности повествуемого; статус самого повествующего, присутствующего в тексте как точка зрения; статус адресата, внимающего повествованию благодаря наличию в нем интриги» [Тюпа 2013: 22].

По сюжету романа молодой историк Соловьёв занимается исследованием биографии вымышленной, но легендарной (в диегетическом мире) личности – генерала Ларионова. Главной загадкой становится долгая жизнь генерала, который не был расстрелян при захвате Крыма красными войсками и не отправился в эмиграцию. Вопрос о том, почему его не расстреляли, должен разрешиться при помощи дневника генерала. Поиск этого дневника и становится основным внешним событием романа. При этом Евгений Водолазкин не сосредотачивается исключительно на внешней событийной стороне детективного сюжета: он уделяет равное время и историку, и объекту его исследования, их детству и личностям. Благодаря этому фокус читательского внимания смещается на другие вопросы: что общего между истори-

ком и исторической личностью? доступна ли строгая объективность при изучении прошлого? управляется ли человеческая жизнь историческими закономерностями или чем-то иным? какой подход окажется действенным при изучении исторической личности?

Первое, с чем сталкивается читатель, пытающийся найти ответы на эти вопросы, – это ярко выраженное скептическое отношение автора к академической исторической науке. Так, молодой ученый Соловьёв завоевывает уважение среди коллег благодаря тому, что вносит ряд правок в монографию исследовательницы А. Дюпон, посвященную жизни генерала Ларионова, однако его поправки смехотворны. Например, «оказалось, что в 136-м Таганрогском полку 34-й пехотной дивизии числилось не 483 солдата, как это утверждала А. Дюпон, а только 469» [Водолазкин: 23]. В словах нарратора о том, что поправки «характеризуют качество работы» ученого [Там же], видится явная ирония. Эпизоды, посвященные описанию Керченской научной конференции (12–14 главы романа), также даны в подчеркнuto комическом ключе: на ней для массовости присутствуют работники консервного завода, председатели конфликтуют друг с другом и с участниками, а высказываемые гипотезы очевидно абсурдны. Так, один из докладчиков видит в названии операции «Окоп» слово «пока», так как написал его с ошибкой, другой доказывает, что генерал Ларионов был женщиной. При

этом подчеркивается театральность происходящего: «приглушенный гул собравшихся напоминал антракт в оперетте», «декорация, изображавшая средневековый замок в горах», «что-то неестественное и в этом смысле театральное было даже в облике слушателей конференции» [Там же: 232].

Подобное отношение к истории проявляется и на языковом уровне: как отмечает О.С. Рощина, нарратор (в особенности в первых главах романа) «нарочито имитирует научный стиль речи, используя характерные речевые обороты», в том числе «таким образом», «следует подчеркнуть», «стоит отметить» и другие [Рощина: 193]. Подобные обороты дополняются публицистическими клише, лишенными художественной выразительности («Д.П. Жлоба ушел, чтобы вернуться» [Водолазкин: 60]). Имена персонажей, связанных с наукой, сопровождаются принятыми сокращениями, а упоминания исторических личностей – инициалами и датами жизни: «проф. Никольский», «М.С. Горбачев», «Дмитрий Петрович Жлоба (1887–1938)».

Еще одной характерной чертой, подчеркивающей пародийность наррации, являются многочисленные ссылки как на реальные, так и на несуществующие источники, которые «создают смеховой эффект (комический, сатирический или иронический) в соотношении с текстом романа» [Рощина: 194]. Например, на конференции докладчик Кваша «кра-

тко касается» истории изучения юродства, что сопровождается ссылкой с перечислением источников, занимающей три страницы [Водолазкин: 258–260]. Таким образом, академическая наука, в понимании Евгения Водолазкина, наполнена излишними условностями и занимается либо незначущими мелочами, либо абсурдными гипотезами, что не способствует достижению истины.

Научное исследование Соловьёва сопровождается поиском дневника генерала Ларионова и начинает развиваться в соответствии с авантурной интригой, подразумевающей интерес героя и читателя к разгадыванию загадки. Дневник генерала разделен на несколько фрагментов, каждый из которых оказывается неполным и не дает окончательного ответа на вопрос о том, почему Ларионов остался в живых, что только усиливает читательский интерес. Евгений Водолазкин сопровождает эту интригу эпизодами, пародийно отсылающими к жанру шпионского детектива: Соловьёв и его сообщница Зоя устраивают обыск в комнате Тараса Козаченко, у которого хранится дневник, а затем проникают в Воронцовский дворец, где тот работает. Затем ключом к разгадке становится первая любовь Соловьёва Лиза Ларионова: герой предполагает, что это внучка генерала. Однако авантурная интрига оказывается мнимой. Зоя заранее спрятала дневник, и шпионские приключения героев изначально не имели смысла. Лиза не связана с гене-

ралом, так как у сына Ларионова была фамилия матери. Финальный фрагмент попадает в руки к ученому, когда тот отказался от его поисков. Соловьёв уже высказал свою главную догадку (о том, что Ларионов воссоздал свои детские воспоминания о Ялте, спасая своих солдат от вступающих в город красных) без помощи дневника. И он получает документ не в результате собственных усилий, а совершенно неожиданным образом: герой искал Лизу, уже не связывая ее происхождение с генералом, а у Лизы случайно оказался искомый дневник.

Более того, читатель даже не получает однозначный ответ на главный вопрос – почему генерала Ларионова не расстреляли. Красный командир Жлоба останавливает готовящуюся казнь, показывая какую-то бумагу, содержание которой остается неизвестным ни генералу, ни Соловьёву, ни читателю. Формальный ответ получен (Жлоба отменил казнь), но автор лишает читателя объяснения (почему он это сделал).

Таким образом, все ветви авантюрной интриги (поиск дневника, поиск внучки генерала и разгадка тайны его выживания) завершаются разочаровывающим образом. Это указывает на то, что «окончательный ответ нужно искать не на авантюрно-событийном уровне, что речь идет не о шпионских страстях, военных хитростях» [Гримова: 61].

Действительно же приводит ученого к ответам личное сходство между ним и генера-

лом. В исследованиях творчества Евгения Водолазкина этот прием называется внутренними рифмами, повторами, двойничеством (например, см.: [Прохорова]). Параллели между жизнями исследователя и объекта исследования отмечаются в романе «Соловьёв и Ларионов» с первых страниц. Обоим была символически предначертана их судьба (Соловьёв – однофамилец знаменитого историка, Ларионов происходит из семьи потомственных офицеров), детство обоих было связано с железными дорогами. Автор подчеркивает сходство в характерах героев: Соловьёв в силу профессии ощущает себя наблюдателем, значимой характеристикой Ларионова оказывается его «созерцательность» (подчеркивая это, повествователь задает риторический вопрос: «А много ли известно созерцательных генералов?» [Водолазкин: 74]). Герои переживают схожий опыт и испытывают одни и те же чувства в схожих ситуациях, например: «Подобно Соловьёву, будущий генерал тоже удивился резкой смене погоды на Чонгарском перевале» [Водолазкин: 47]. Соловьёв приезжает в Ялту в годовщину смерти Ларионова. Ироничным образом в начале романа молодой историк считает, что «никакие события не повторяются» [Там же: 72], но в конце становится свидетелем обратного.

Неслучайно нарратор в романе характеризуется как всеведущий, не ограниченный по времени, способный быть внутринаходящим по отношению к героям (по типологии

В. Шмида, см.: [Шмид: 79]). О генерале Ларионове сообщается то, что историк знать не может, например: «На этом жесте генерал Ларионов поймал себя впоследствии, когда летним вечером 1920 года отпустил ручку люка бронепоезда» [Водолазкин: 41]. Параллели между героями подчеркиваются на уровне эпизодизации: в каждой главе содержится информация про обоих персонажей, почти в каждой присутствуют фрагменты с участием как ученого, так и генерала. Благодаря такому построению текста герои предстают перед читателем не как субъект и объект исследования, а как личности, чьи судьбы разворачиваются не в разные эпохи, а параллельно.

Ранее в наших работах мы отмечали, что «автор позволяет Соловьёву узнать о генерале гораздо больше того, что требуется для ответа на вопрос о причинах его спасения» [Гримова: 61]. Соловьёв интересуется не просто историческими событиями, в которых участвовал генерал Ларионов, но самой его личностью («Он пытался почувствовать состояние человека накануне боя...» [Водолазкин: 67]). В числе этой излишне подробной информации оказывается детство Ларионова, и именно детские воспоминания обоих героев и позволяют разгадать загадку спасения генерала и его подчиненных. Доклад ученого Тарабукина на конференции (что показательное – осмеянный коллегами) вместе с фразой профессора Никольского о Ларионове: «Он ведь потом все своим детством мерил» [Там

же: 372] – подталкивает Соловьёва к верной мысли о том, что генерал детально воссоздал свое детское воспоминание о Ялте, отдав «роли» горожан солдатам. Символически при этом Ларионов не нашел место самому себе и занял позицию отстраненного наблюдателя по отношению к разыгранной сцене, схожую с позицией историка по отношению к событиям прошлого. А последний фрагмент дневника генерала Соловьёв по случайности получает от своей возлюбленной детства Лизы. Любопытно, что герой вскоре догадывается, что Лиза – не внучка Ларионова, и думает, что это родство «придавало Лизе избыточную ценность, в которой она не нуждалась» [Там же: 313]. Тем самым подчеркивается, что ответ на загадку прошлого связан именно с личными внутренними переживаниями ученого, ролью девушки в его жизни, а не внешним детективным сюжетом поиска родственников. Еще в первых главах романа Евгений Водолазкин подсказывает читателю это направление размышления следующим вопросом: «Изучая судьбу генерала Ларионова, изучал ли Соловьёв себя?» [Там же: 77]. Это с точностью соотносится с наблюдением, сделанным А.И. Рейтблатом при анализе особенностей биографического жанра: биограф, реконструируя судьбу своего персонажа, «“собирает” тем самым себя, проясняет и иерархизирует свои жизненные цели и ценности, придает своей жизни смысл» [Рейтблат: 189].

Особенно значимым в контексте вопроса о связи личного и исторического прошлого является эпизод беседы Соловьёва с его научным руководителем профессором Никольским и следующий за ним эпизод сна профессора. На уровне наррации это маркировано тем, что всеведущий повествователь здесь отходит от точки зрения одного из главных героев и занимает точку зрения эпизодического персонажа. «История виделась ему рамой – иногда бедной, иногда роскошной, – в которую личность помещала свой портрет» [Там же: 374], – этой фразой Евгений Водолазкин утверждает приоритет частных человеческих переживаний над сухим событийным рядом, которым обычно представляется история. Следовательно, познание прошлого возможно только при сближении исследователя с исторической личностью, познании ее персональной «тайны». Е. Вежлян комментирует это так: «Прошлое – это происходящее, осязаемое, неразлагаемое, складывающееся как частный опыт множества людей. Потому оно и не “схватывается” наукой» [Вежлян: 168].

Однако в романе можно разглядеть еще один уровень, на котором познание прошлого оказывается доступным. Обнаружить его читателю необходимо уже самостоятельно. Подсказкой к его существованию служит то, что профессор Никольский засыпает, так и не успев додумать свою концепцию истории. Пользуясь терминологией В.И. Тюпы, мы вы-

явили в романе в качестве основной энигматическую нарративную интригу. В определении, данном в «Тезаурусе исторической нарратологии», указано, что она проявляется «в чередовании эпизодов, приближающих и удаляющих проникновение в некоторую тайну диегетического мира, в чередовании нарратором моментов утаивания и узнавания, сокрытия и откровения» и связывается с интригами тайны и интерпретации [Тезаурус исторической нарратологии: 233].

Можно предположить, что этот дополнительный уровень познания является сверхличностным, общечеловеческим. В романе ему соответствует прецедентная картина мира, «основанная на представлении, будто в мире все уже было и снова будет, как при смене времен года» [Там же: 287]. При таком рассмотрении сходство между историком и генералом объясняется не случайной рифмой, а существованием некоего архетипического сверхсюжета, общего для всех или многих людей, в который вписаны судьбы их обоих. Одним из элементов этого общечеловеческого опыта является детство: генерал Ларионов вспоминает, что его солдаты, утомленные тяжелым переходом, принимали позу эмбриона, будто «хотели вернуться в материнскую утробу» [Водолазкин: 290]; Соловьёв приближается к ответам, только вернувшись к своему детскому опыту.

Другим важнейшим этапом человеческой жизни является смерть. Ученый ищет объяс-

нение тому, как генерал ее избежал, и из его дневников узнает о том, что самого генерала Ларионова также тревожила тайна смерти. В ключевых эпизодах бесед с доктором Кологриновым генерал изучает ход человеческого взросления и старения и приходит к выводу, что «причиной смерти человека является его жизнь» [Там же: 292], а в другом эпизоде понимает, что умирает только человеческое тело, и он «забыл о самом главном» [Там же: 355]. Так в романе утверждается бессмертие человека, которое можно связать как с христианским представлением о душе, так и с памятью, остающейся после смерти. В другом эпизоде описывается, как Ларионов завел две папки с подписями «Живые» и «Мертвые», куда поместил досье тех людей, которых знал. Когда в живых остался только он один, он поменял документы местами, поместив умерших в папку «Живые». Этот эпизод заставляет вспомнить о том, что В.И. Тюпа и Г.А. Жиличева связывают прецедентную картину мира с «круговоротом жизни – смерти – жизни», используя определение О. Фрейденберг [Тезаурус исторической нарратологии: 279]. Тема смерти также неразрывно связана с изучением прошлого, так как, по замечанию А.И. Рейтблата, биограф понимает свой нравственный долг как «спасение персонажа от смерти» [Рейтблат: 192].

Наконец, еще одним элементом общечеловеческого представления о мире являются нравственные ценности. А.О. Салахо-

ва в качестве основных ценностей романа «Соловьёв и Ларионов» называет милосердие и прощение [Салахова]. Действительно, в судьбе генерала автор подчеркивает не военные победы, а его желание спасти своих солдат, сохранить жизнь, а не отнимать ее. Ключевым эпизодом повествования является встреча белого генерала Ларионова с красным командиром Жлобой, во время которой Ларионов отказывается убить своего врага, «потому что смерть не способна ничему научить» [Водолазкин: 364]. Читатель может предположить, что именно из благодарности за этот милосердный поступок Жлоба останавливает казнь генерала в финале романа – потому что другого объяснения этому событию в тексте нет. Соловьёв также проявляет милосердие – выпускает синицу, случайно залетевшую к нему в дом. И, будто в качестве чудесной награды, в той же главе получает окончание дневника генерала.

Наконец, существование прецедентного архетипического сюжета может подтверждаться многочисленными сравнениями героев романа с историческими личностями. Соловьёв с первых страниц сравнивается с историком С.М. Соловьёвым из-за фамилии и профессии и с М.В. Ломоносовым из-за «преодоления изначальных обстоятельств» жизни [Там же: 8]. Сходство генерала Ларионова с такими легендарными личностями, как кардинал Ришелье, спартанский царь Леонид, царь Митридат, генералиссимус Суво-

ров, также неоднократно подчеркивается на протяжении романа. Это указывает на сходство судеб не только ученого и генерала, но и многих других людей в разные эпохи.

Кроме того, значимые эпизоды романа, ассоциированные с общечеловеческим опытом, маркированы обращением автора к нарративному этосу покоя. В.И. Тюпа, использовавший этот термин, определяет его как «снятие страха перед окружающей действительностью», «преодоление тревоги, сохранение и поддержание прецедентного миропорядка» [Тюпа 2015: 15]. В частности, этос покоя сопровождает детские воспоминания главных героев и эпизод возвращения Соловьёва на родную станцию 715-й километр. Автор нередко сопровождает эти эпизоды прямым указанием на состояние тишины, неподвижности, созерцания: «Это была полная, абсолютная тишина, дальше – только небытие. Соловьёв почувствовал свое вращение в природе» [Водолазкин: 296]. Примечательно, что в этих фрагментах почти полностью отсутствуют подстрочные ссылки и сводится к минимуму пародийная составляющая произведения. Кроме того, представляется значимым, что рецептивная установка читателя в эпизоде несостоявшейся казни генерала, расположенном в абсолютном финале текста, также определяется этосом покоя. Готовясь к смерти, Ларионов обращается к детскому воспоминанию об отце, пытавшемся сделать фотографию, а осознав, что спасен, наблюда-

ет за закатным солнцем, которое также ассоциируется с «круговоротом жизни – смерти – жизни».

Авторы «Тезауруса исторической нарратологии» доказывают, что прецедентная картина мира и этос покоя характерны для нарративной стратегии мифа или сказки, в которых существует некое исходное событие (прецедент), а герой следует «моральному кодексу» правильного поведения [Тезаурус исторической нарратологии: 279–280]. В романе «Соловьёв и Ларионов» неоднократно напрямую указывается на сходство жизни генерала Ларионова и мифологического сюжета. Например, в первой главе говорится о том, что научных исследований о нем меньше, чем художественных произведений, что «как бы символизирует преобладание мифологии над положительным знанием во всем, что касается покойного» [Водолазкин: 11]. Читателю может показаться, что задачей Соловьёва будет освободить память о генерале от мифологических наслоений, но на деле оказывается ровно наоборот: историческая наука упускала из внимания чудесные обстоятельства жизни Ларионова. Соловьёву удастся доказать гипотезу о встрече генерала с красным командиром Жлобой благодаря истории, которую академик Темрюкович находит в «Полном своде русского фольклора». Исследователи до него не допускали возможности соотнести повествование с конкретными историческими событиями, указывая

на «давнюю войну», «эпическое» время и библейское «повествование об убийстве израильским судьей Аодоммоавитского царя Еглона» в качестве прецедентного текста [Там же: 361–365]. Соловьёв же узнает, что рассказавший историю старый крестьянин Тимофей Жженка раньше был денщиком генерала Ларионова и видел событие собственными глазами. Таким образом, ответ на вопрос о том, почему Жлоба помиловал Ларионова, лежит в сфере нравственности и обнаруживается среди фольклорных текстов. Это позволяет сделать вывод об использовании Евгением Водолазкиным нарративной стратегии мифа и о том, что миф в романе «Соловьёв и Ларионов» представляет собой более глубокий уровень человеческой действительности.

Таким образом, писатель говорит о неспособности академической науки объяснить все события прошлого. Этот смысл выражается при помощи пародийного стиля наррации и использования в художественном тексте ссылочного аппарата, создающего комический эффект. Из-за чрезмерной сосредоточенности на формальной стороне научного процесса исследователи упускают из внимания то, что в исторических событиях участвовали живые люди, обладавшие своими ценностями и стремлениями и точно так же пытавшиеся познать тайны бытия (так, генерал Ларионов размышляет о смерти и осознает преобладание духовных ценностей над физическим существованием).

Поэтому настоящим способом установить контакт с прошлым является частный опыт отдельных людей, и личность исследователя-историка играет в этом ключевую роль. Фокус внимания при этом смещается с внешних событий (детективный сюжет поиска дневника) на внутренние и субъективные переживания (осмысление событий детства, столкновение со смертью, нравственный выбор). В романе фрагменты такого опыта маркированы обращением автора к прецедентной картине мира и этосу покоя. Названным категориям соответствует нарративная стратегия мифа / сказания, что убедительно демонстрирует В.И. Тюпа, см.: [Тюпа 2021: 258]. Можно сделать вывод о том, что связь исследователя и изучаемой им исторической личности возникает не благодаря случайному совпадению событий их биографий, а благодаря общечеловеческому опыту, архетипическому сюжету жизни, объединяющему множество людей. Исследователь также указывает, что данная стратегия является наиболее архаичной, и в современной культуре подобные нарративы «функционируют преимущественно в детской аудитории, но также в сфере рекламы и некоторых других» [Там же: 197]. В рассматриваемом случае мы можем наблюдать переосмысление современным автором древней нарративной традиции.

Выявленные особенности романа «Соловьёв и Ларионов» будут развиваться в более поздних романах Евгения Водолазкина. На-

пример, в романе «Оправдание Острова» события, происходящие в вымышленном государстве, противопоставлены частной жизни главных героев, а герой романа «Авиатор» восстанавливает память о другой эпохе, вспоминая мелкие детали своего детства и юности. Следовательно, произведенный анализ может позволить определить значимые особенности и других текстов автора.

Литература

Вежлян, Е. Присвоение истории // Новый мир. 2013. № 11. С. 165–170.

Водолазкин, Е.Г. Соловьёв и Ларионов. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023.

Гримова, О.А. Нарративная интрига в современном романе (Е. г. Водолазкин «Соловьёв и Ларионов») // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 1 (56). С. 60–62.

Ковтун, Н.В. «Генерал Ларионов как текст» и его толкователи (на материале романа Е. Водолазкина «Соловьёв и Ларионов») // Человек: образ и сущность. 2023. № 3 (55). С. 115–135.

Прохорова, Т.Г. Особенности функционирования исторического дискурса в неисторической прозе Евгения Водолазкина // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 2 (72). С. 167–172.

Рейтблат, А.И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Рощина, О.С. Нарратор в романе Е. Водолазкина «Соловьёв и Ларионов» // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 192–198.

Салахова, А.О. Мифопоэтика в прозе Евгения Водолазкина (на материале романов «Соловьёв и Ларионов» и «Оправдание острова») // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 3 (81). С. 176–181.

Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В.И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022.

Тюпа, В.И. Горизонты исторической нарратологии. М.: Алетейя, 2021.

Тюпа, В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013.

Тюпа, В.И. Этос нарративной интриги // Вестник РГГУ. 2015. № 2. С. 9–19.

Шмид, В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

References

Grimova, O.A. (2015). Narrativnaya intriga v sovremennom romane (E. Vodolazkin "Solovyov i Larionov") [Narrative intrigue in modern novel (E. Vodolazkin's "Solovyov and Larionov")]. *Kul'turnaya Zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Studies of Russian South], 1 (56), 60–62.

Kovtun, N.V. (2023). "General Larionov kak tekst" i yego tolkovateli (na materiale romana E. Vodolazkina "Solovyov i Larionov") ["General Larionov as a text" and it's interpreters (E. Vo-

dolazkin's novel Solovyov and Larionov)]. *Che-lovek: Obraz i Sushchnost'* [Human Being: Image and Essence], 3 (55), 115–135.

Prokhorova, T.G. (2023). Osobennosti funktsionirovaniya istoricheskogo diskursa v neistoricheskoy proze Evgeniya Vodolazkina [Features of functioning of historical discourse in non-historical prose by Evgeny Vodolazkin]. *Filologiya i Kultura* [Philology and Culture], 2(72), 167–172.

Reytblat, A.I. (2014). *Pisat' poperek: stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing across: articles on biografics, sociology and history of literature]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye.

Roshchina, O.S. (2020). Narrator v romane E. Vodolazkina "Solovyov i Larionov" [Narrator in the novel by E. Vodolazkin "Soloviev and Larionov"]. *Sibirskiy Filologicheskiy Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1, 192–198.

Salakhova, A.O. (2025). Mifopoetika v proze Evgeniya Vodolazkina (na materiale romanov "Solovyov i Larionov" i "Opravdaniye Ostrova") [Mythopoetics in Evgeny Vodolazkin's prose: the novels "Solovyov and Larionov" and "Justifica-

tion of the Island"]. *Filologiya i Kultura* [Philology and Culture], 3 (81), 176–181.

Schmid, W. (2003). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury [Languages of Slavic Cultures].

Tyupa, V.I. (2013). *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow: Intrada.

Tyupa, V.I. (2015). Etos narrativnoy intrigi [Ethos of narrative intrigue]. *Vestnik RGGU* [RSUH Bulletin], 2, 9–19.

Tyupa, V.I. (2021). *Gorizonty istoricheskoy narratologii* [Horizons of historical narratology]. Moscow: Aleteyya.

Tyupa, V.I. (Ed.) (2022). *Tezaurus istoricheskoy narratologii (na materiale russkoy literatury): eksperimentalnyy slovar'* [Thesaurus of historical narratology (based on Russian literature): an experimental dictionary]. Moscow: Editus.

Vezhlyan, E. (2013). Prisvoyeniye istorii [The appropriation of history]. *Novyy Mir* [The New World], 11, 165–170.

Vodolazkin, E.G. (2023). *Solovyov i Larionov* [Solovyov and Larionov]. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy.

Для цитирования: Павлова, А.В., Гримова, О.А. Роль личности в познании исторического прошлого в романе Е.Г. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2026. Т. 11. № 1. С. 123–136. DOI: 10.18522/2415-8852-2026-1-123-136

For citation: Pavlova, A.V., Grimova, O.A. (2026). The role of personality in perception of historical past in E.G. Vodolazkin's novel "Solovyov and Larionov". *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 11 (1), 123–136. DOI: 10.18522/2415-8852-2026-1-123-136

THE ROLE OF PERSONALITY IN PERCEPTION OF HISTORICAL PAST IN E.G. VODOLAZKIN'S NOVEL "SOLOVYOV AND LARIONOV"

Alena V. Pavlova, PhD Student at Kuban State University (Krasnodar, Russia); e-mail: gogoloptimus45@gmail.com

Olga A. Grimova, DSc in Philology, Associate Professor at Kuban State University (Krasnodar, Russia); e-mail: astra_vesperia@mail.ru

Abstract. The article analyzes the theme of the historical past comprehending in Evgeny Vodolazkin's novel "Solovyov and Larionov". It is argued that academic science becomes an object of parody at both linguistic and figurative levels. The external plot intrigue, based on the search for the diary and parodying spy detective stories, also turns out to be illusory and fails to provide answers to the novel's main question: how and why General Larionov survived. At the same time, the text contains numerous parallels between the researcher-protagonist and the historical figure, amplified by the stance of an omniscient narrator. Consequently, the reader's attention shifts from solving a mystery to seeking answers to philosophical questions about the human place in existence. The significance of the scholar's personality in comprehending the past is revealed at the level of episodes' composition, as well as through the construction of an enigmatic intrigue of revelation that leads the reader to answers. A true study of the individual's biography proves possible only through a dialogic contact, as well as through an evaluative and moral comprehension of life events of both the subject of study and the researcher himself. The analysis of the novel also reveals the author's appeal to universal human experience of life stages, spiritual values, and the understanding of the mystery of existence and death. The writer creates a precedential world picture, based on the concept of a repeating cycle of events, which is confirmed in the text by comparing fictional Solovyov and Larionov with historical figures. Furthermore, the novel reveals an ethos of serenity associated with the characters' childhood memories. These categories are characteristic of the strategy of myth, indicating the transformation of an archaic narrative tradition in the work of the contemporary author. A complete understanding of the past, in Evgeny Vodolazkin's view, is possible through an appeal to a universal archetypal life story that connects the researcher with the historical figure.

Key words: historical past, E.G. Vodolazkin, "Solovyov and Larionov", narrator, precedential world picture, ethos of peace, strategy of myth, parody

